

— Дядя, простите... я потерял ожерелье, которое оставили мне папа с мамой... я не специально... — Сяо Цзиньюй вытирал слёзы и извинялся, его жалкий вид растрогал бы кого угодно, не говоря уже о таких близких людях, как Ло Линшэн и Ши Юньнань.

Ло Линшэн хмурил брови всё сильнее.

После неожиданной смерти сестры и её мужа он давно уже воспитывал Сяо Цзиньюй как собственного сына. Хотя и держал в строгости, но всегда тщательно оберегал.

Когда он получал такие травмы?

Красная шишка на лбу уже начала кровоточить — сразу видно, что удар был сильным.

Ши Юньнань тоже разрывался от жалости.

Он крепче обнял мальчика и мягко успокоил: — Не плачь, малыш. Сейчас мы обработаем шишку на лбу, переоденем грязную одежду, а потом с дядей пойдём искать ожерелье, хорошо?

Сяо Цзиньюй заметил грязь на своей одежде и штанах и, боясь испачкать чистую одежду Ши Юньнана, поспешно отодвинулся на два шага назад.

Его покрасневший носик вздрогнул, с трудом сдерживая слёзы, он покачал головой: — Мне не больно. Я сначала найду своё ожерелье... Дядя, это ожерелье от мамы... у-у-у...

Говоря это, мальчик снова не смог сдержать слёз. Хотя дядя и дедушка Цинь никогда прямо не говорили, он сам давно понял.

Он не такой, как другие дети. У него больше нет папы и мамы, а ожерелье, которое он носил с рождения, — это подарок от них.

Поэтому, как бы ему ни нравился нефритовый кулон, подаренный Ши Юньнанем, он не мог снять с шеи это золотое ожерелье в форме рыбки.

— Не плачь. Ты же мужчина. — Ло Линшэн посадил Сяо Цзиньюй себе на колени и пальцами стёр слёзы с его лица: — Сможешь потерпеть боль на лбу? Дядя поможет тебе вернуть ожерелье.

Если бы пропала любая другая вещь, можно было бы купить новое. Главное — обработать рану.

Но Ло Линшэн понимал значение этого ожерелья для племянника. Если промедлить, неизвестно, куда его унесут играть местные дети.

Сяо Цзиньюй поспешно вытер слёзы и, обняв запястье Ло Линшэна, послушно кивнул: — Мне не больно.

Ши Юньнань, видя это, естественно, отправился вслед за дядей и племянником.

Солнце уже коснулось вершин гор.

Едва троица вышла из агроусадьбы Юань, как с межи донёлся шум детских голосов.

— Кидай сюда!

— Я тоже хочу поиграть!

— Ха!

Сяо Цзиньюй, услышав звуки, тут же указал на группу детей: — Дядя, это они забрали! Тот... тот мальчик в синей футболке.

Ло Линшэн и Ши Юньнань, услышав указание племянника, в унисон перевели взгляд.

Всего было шесть мальчиков лет шести-восьми.

Но каждый из них выглядел выше и крепче Сяо Цзиньюй — неудивительно, что тот не смог за себя постоять.

Ши Юньнань переглянулся с Ло Линшэном и первым шагнул вперёд.

Подойдя ближе, он заметил, что дети перебрасываются каким-то ожерельем.

Ши Юньнань хлопнул в ладоши, привлекая их внимание: — Эй, что это у вас там?

Дети прекратили игру, не понимая неожиданного вопроса.

Увидев незнакомое лицо Ши Юньнаня, мальчик в синем, прятаясь сзади, поспешно сунул руку в карман.

Ши Юньнань, обладая острым зрением, заметил это движение.

Мальчик в синем, встретившись с ним взглядом, дерзко крикнул: — Ты кто такой? Чего

лезешь?

Не успели слова прозвучать, как Ло Линшэн подъехал на коляске.

Сяо Цзиньюй, сидевший у дяди на коленях, сполз на землю.

Ощущая поддержку взрослых, он набрался смелости: — Верните моё ожерелье! Оно моё!

Шестеро детей, узнав Сяо Цзиньюй, переглянулись.

Будучи всего лишь детьми, они не умели скрывать эмоции перед взрослыми. Ши Юньнань окинул их взглядом — кто-то испуган, кто-то виноват, а кто-то упрямо отрицает.

— Врёшь! Мы тебя не знаем! Какое ещё ожерелье? Мы ничего не видели!

Первым отпирался всё тот же мальчик в синем.

Ши Юньнань наконец пристально посмотрел на него и медленно спросил: — Как тебя зовут?

«...»

Мальчику почему-то стало не по себе под этим взглядом, и он не собирался отвечать.

К сожалению, другие дети не смогли удержаться: — Его зовут Юань Кэван, он у нас главный! Ему семь с половиной, скоро в школу пойдёт!

— Да-да! А этот маленький отелль сзади — его семья! — подхватил другой ребёнок. — И он скоро поедет учиться в город!

В их понимании Юань Кэван был самым крутым.

Он часто угощал их остатками жареного мяса и арахиса — стоило только с ним "дружить", и вкусняшки обеспечены. Да и в случае "опасности" он всегда прикроет.

«...»

Юань Кэван не ожидал, что "друзья" его так подставят, и нахмурился.

Сяо Цзиньюй тоже рассердился и чётко заявил: — Ты врешь! Это ты забрал моё ожерелье!

Дядя, дядюшка, я только смотрел, как утята в поле играют, а они вдруг начали кидать в них камни...

Сяо Цзиньюй было интересно наблюдать, но когда один утёнок, уворачиваясь, получил камнем по голове, он не выдержал и сделал замечание.

Дядя говорил ему быть вежливым с незнакомыми, поэтому он выразился культурно.

Но едва он открыл рот, Юань Кэван с друзьями начали смеяться над ним, а потом и вовсе закидали камешками.

Сяо Цзиньюй всё больше злился, даже щёки затряслись: — Я потребовал извинений, но они меня толкнули...

Он упал с бетонной дорожки на межу (перепад высот сантиметров тридцать) и ударился лбом о камень.

Пока он, оглушённый, приходил в себя, те заметили ожерелье на его шее.

— Что это? Дай посмотреть!

— Это моё, смотри, но не отбирай!

— Здесь моя территория, ты должен меня слушаться!

Сяо Цзиньюй изо всех сил держался за ожерелье, но как он мог противостоять шестерым? В итоге на шее остались красные полосы, а ожерелье всё равно забрали.

Он смотрел, как они убегают, и только потом, рыдая, побежал к дядям.

— Теперь дяди здесь! Немедленно верните ожерелье! — Сяо Цзиньюй огляделся и, почувствовав ещё большую уверенность, добавил: — Иначе... иначе мы вызовем полицию!

Ши Юньнань и Ло Линшэн переглянулись, но промолчали.

Раз "грабители" найдены и ожерелье всё ещё у них, главное — чтобы вернули и искренне извинились. Тогда инцидент можно считать исчерпанным.

Семье Ло не нужны эти жалкие компенсации, да и не хотели они, чтобы Сяо Цзиньюй привык бежать к дядям по каждому поводу.

Иногда можно и поддержать, но детские конфликты лучше решать самим.

Юань Кэван не ожидал, что Сяо Цзиньюй так подробно всё изложит, и на мгновение опешил.

Остальные дети, услышав слово "полиция", заметно занервничали, а один и вовсе сбежал.

— Верните! Забрать чужое и не вернуть — за это полиция арестует! — настаивал Сяо Цзиньюй.

И в детском саду, и в книжках, которые читал дядюшка, говорилось одно и то же.

Юань Кэван упрямо стоял на своём: — Мы ничего не брали! Я сказал — не брали!

Тут сзади раздался женский голос: — Сяован, что вы тут делаете? Уже пора по домам, ужинать!

— Мама! Они хотят вызвать полицию!

Юань Кэван, увидев знакомую фигуру, словно обрёл спасение. Он подбежал к Чэнь Фан и наконец показал страх, подобающий его возрасту.

Чэнь Фан всегда баловала младшего сына и, услышав это, тут же прикрыла его собой: — Ожерелье? Какое ожерелье?

— Этот малыш потерял ожерелье и говорит, что я украл! Мама, я не брал, это он врёт!

Юань Кэван в трёх словах переложил вину.

«...»

Ши Юньнань нахмурился, видя в ребёнке дурные задатки.

Чэнь Фан посмотрела на Ло Линшэна и Ши Юньнаня, сразу узнав их, и, прикрывая сына, фальшиво улыбнулась: — Господа, наверное, недоразумение? Мой сын не врёт. Может, этот ребёнок сам потерял ожерелье, играя, а теперь боится, что вы его накажете?

Сяо Цзиньюй потянул Ши Юньнаня за руку и с обидой возразил: — Я не вру.

— Знаю, малыш.

Пока они препирались, подошли ещё пять-шесть сельчан.

Они были соседями Чэнь Фан.

Только что второй малыш из семьи Ли в слезах прибежал жаловаться, сказав, что остальных детей вот-вот заберёт полиция.

Взрослые, будучи родителями, не смогли остаться спокойными и поспешили проверить ситуацию.

Дети, оставшиеся на меже, увидев фигуры своих родителей, тут же наперебой бросились к ним, наперебой повторяя слова Юань Кэвана о «полиции», «ожерелье» и прочем.

— Какая ещё полиция? Врёшь!

— И кто сказал, что вас заберёт полиция? Пока дедушка здесь, посмотрим, кто посмеет тебя тронуть!

Каждый любит своего ребёнка, и так, шаг за шагом, ситуация неожиданно переросла в серьёзный конфликт.

В одно мгновение все осуждающие взгляды устремились на Ши Юньнаня и Ло Линшэна — этих двух чужаков.

— Раз уж все родители здесь, прошу вас выслушать меня, — невозмутимо Ши Юньнань сделал шаг вперёд и повторил рассказ Сяо Цзиньюй.

— Наш ребёнок не врёт. Эта рана на лбу — результат действий этих шестерых детей, и ожерелье тоже забрали они.

Он окинул взглядом собравшихся и в конце остановил его на Юань Кэване.

— Если ребёнок совершил ошибку, его нужно учить и заставить извиниться. Пока они ещё маленькие, можно вовремя скорректировать их ценности. Если продолжать потворствовать, это будут лишь мелкие кражи и шалости, но когда подрастут — кто знает, на что они станут способны?

Едва его слова прозвучали, привлечённый шумом Юань Мэн вышел наружу.

Увидев рану на лбу Сяо Цзиньюй и недовольные взгляды Ло Линшэна и Ши Юньнаня, он почувствовал неладное: — Господин, что случилось?

— Что может случиться? Разве столичные боссы выше нас? — Чэнь Фан, раздражённая тем, что Юань Мэн встал на сторону чужих, зло бросила: — Только вы умеете воспитывать детей? Мой ребёнок побил уток — и что?

Мы в деревне держим уток на мясо, разве мы городские, чтобы нянчиться с ними, как с домашними любимцами?

Мальчишки всегда пошалают, разве ваш ребёнок такой особенный? Шишка на лбу спадёт за пару дней.

Кстати, у вас есть доказательства? Может, он сам ударился!

И ожерелье сам потерял! Богачи приехали в деревню людей обманывать? Да я таких и не видела!

После открытия агротуризма Чэнь Фан повидала немало богатых клиентов. Все они, будь то везунчики или наследники, только и знали, что важничать.

К этому начальнику своего деверя Юань Мэна она не испытывала ни малейшего почтения.

Чэнь Фан не верила, что Ло Линшэн действительно вызовет полицию. Да даже если и рассорится с ним — работу потеряет не она.

Лицо Ло Линшэна потемнело.

Неужели его, такого человека, теперь считают мошенником, который использует ребёнка для вымогательства?

Юань Мэн, чувствуя надвигающуюся катастрофу, поспешил вмешаться: — Невестка, поменьше говори! Господин и господин Ши — не такие, как ты говоришь!

Он строго посмотрел на племянника, с которым не был близок: — Кэван, немедленно верни ожерелье молодому господину!

Юань Кэван спрятался за спину Чэнь Фан и, чувствуя её поддержку, упрямо заявил: — Я не брал! Мама права, дядя — предатель!

Услышав это, Чэнь Фан тут же воспользовалась моментом, подняв вопль: — Соседи, рассудите! Когда я вышла за Авзя, Юань Мэн был ещё совсем ребёнком! Я, невестка, отдавала своё приданое, чтобы кормить и одевать его! А теперь он нашёл в столице богатого хозяина и вернулся обижать нас, вдову с сиротой! Совсем забыл, кто свои, а кто чужие!

...

Лицо Юань Мэна побагровело.

Опять! Опять её лживые речи!

Деньги на его учёбу вовсе не были её приданым, более того, за четыре года службы и год работы он уже отдал все сбережения брату и невестке.

По правде говоря, он им ничего не должен!

Юань Мэн взглянул на Ло Линшэна и Ши Юньнаня, его покрасневшее лицо выражало гнев и стыд: — Господин, господин Ши, молодой господин, про-простите...

Он всегда был простодушным и честным.

Перед ним была его невестка, и он не мог обращаться с ней как с незнакомкой, применив силу.

Ши Юньнань понимал, что Юань Мэн тут не виноват, и достал телефон, начав запись: — Значит, ни один из этих шестерых детей не признаётся, что брал ожерелье?

Юань Кэван упрямо молчал, остальные же дети украдкой поглядывали на своего «лидера», не решаясь говорить.

Прежде чем они успели что-то сказать, Ши Юньнань резко произнёс: — Юань Мэн, раз уж ты получаешь зарплату, тебе должно быть понятно, что делать. Правый карман брюк Юань Кэвана.

Уловив намёк, Юань Мэн тут же схватил Юань Кэвана, прятавшегося за Чэнь Фан. Его железная хватка не ослабла, несмотря на удары и сопротивление матери с сыном.

Вскоре из кармана выпало золотое ожерелье в форме рыбки, мгновенно приковав всеобщее внимание.

Ши Юньнань поднял ожерелье и демонстративно покачал им: — В таком возрасте уже бьют людей, воруют, а потом ещё и лгут!

Все родители, кроме Чэнь Фан, выразили негодование и разочарование.

Они пришли позже и, не зная деталей, изначально поверили Чэнь Фан, а не незнакомцам.

Как родители, они готовы защищать своих детей, но ожерелье действительно оказалось в кармане Юань Кэвана!

Неужели эти дети правда обидели младшего и ранили его?

Так нельзя!

Ши Юньнань заметил изменение в их настроении и отбросил вежливость: — Не думайте, что детские проступки — это ерунда. Они несовершеннолетние, но вы, как опекуны, несёте ответственность! — Он сделал паузу, намеренно обратившись к остальным детям: — Даю вам последний шанс: признайте ошибки и извинитесь, иначе мы обязательно вызовем полицию и заберём ваших родителей!

Едва он закончил, один ребёнок не выдержал: — Дядя, простите. Малыш, прости.

— Кэван сказал, что мы можем поиграть с ним.

— Он запретил нам рассказывать, сказал, что ожерелье обменяет на конфеты и жареное мясо.

— Простите...

Как только один признался, остальные (кроме Юань Кэвана) тоже начали рассказывать, по кусочкам восстанавливая события.

Оказывается, Юань Кэван постоянно командовал ими как «лидер», обещая еду и сладости за послушание и наказывая за неповиновение.

Один за другим звучали искренние детские извинения.

Родители, слыша их, испытывали стыд перед Ши Юньнанем, но ещё больше — гнев:

Лидер? Подчинённые? Награды? Наказания?

Как этот паршивец Юань Кэван смел командовать их детьми?

Сегодня он подбил их воровать, а завтра, глядишь, будет заставлять драться, как в бандах из сериалов!

Шутки шутками, но всё может пойти слишком далеко!

— Чэнь Фан, ты воспитала замечательного сына.

— Юань Кэван ещё мал, но хитёр, как ты — сразу распознал ценную вещь.

— Это золотое ожерелье стоит несколько тысяч, да? Сам украл, а наших детей подкупил конфетами, чтобы молчали?

— Пфф! Чэнь Фан! Во всей деревне только ваша семья славится жадностью! Авэй и Амэн —

такие хорошие парни, а ты их десять лет под каблуком держишь! Если бы не деньги Амэна, разве построила бы ты этот агротуризм?

— Верно! Авэй один всё тянул, а ты только на шее сидишь!

Родители наперебой обрушились на Чэнь Фан.

Её лицо пылало от стыда, но она не решалась выместить злость на сыне.

— Я... я просто хотел поиграть, я бы вернул его обратно, — виновато оправдывался Юань Кэван.

На самом деле, у него действительно были мысли присвоить это ожерелье, но он не ожидал, что его так быстро раскроют.

Привыкнув к роли "главаря" в своей "банде", он уже сформировал собственные представления о ценностях — считал, что всё, что можно отобрать, по праву принадлежит ему.

Ши Юньнань убрал телефон, кривя губы в подобии улыбки: — Ладно, я дал вам шанс. Некоторые ребята признали ошибки — смотрим, захочет ли наша Сяо Цзиньюй их простить?

Он вернул ожерелье на шею мальчика и потрепал его по щеке: — Ты решаешь.

— Дядюшка, я принимаю их извинения, — Сяо Цзиньюй бросил взгляд на Юань Кэвана, явно выделяя его неприязнью, — Но кто-то так и не признал свою вину. Что делать?

Ло Линшэн рядом перешёл к решительным действиям: — Юань Мэн, вызывай полицию.

Ши Юньнань поддержал возлюбленного: — Золотое ожерелье. Юань Кэван совершил попытку грабежа, и его опекун должен понести ответственность.

Юань Мэн застыл в нерешительности: — Господин, это...

— Под опекуном я имею в виду Чэнь Фан, — уточнил Ши Юньнань. — Юань Мэн, я знаю, что ты добрый и честный, но за время, проведённое с нами, ты должен был понять историю с Сун Чжицю и Вэнь Чэнланом. Если сейчас не принять мер, в будущем вашу семью Юань ждут куда большие беды.

Даже если полиция ограничится устным предупреждением, это лучше, чем оставить всё как есть.

— Господин, господин Ши, я послушаю вас, но мне нужно сначала поговорить с братом.

У Юань Вэя и Чэнь Фан было трое детей. Старшая дочь Юань Цзюаньцзюань и второй сын Юань Кэпань были вполне послушными и разумными. Почему же младшего сына избаловали до такой степени?

Юань Мэн понимал правоту Ши Юньнана — если сейчас не заняться воспитанием, Юань Кэван может пойти по кривой дорожке.

Ло Линшэн кивнул.

Юань Мэн достал телефон и, набирая номер, направился обратно в дом.

Чэнь Фан не ожидала, что дело действительно дойдёт до полиции, и её уверенность пошатнулась. Юань Кэван у неё на руках дрожал от страха: — Мама, я не хочу, чтобы меня забрала полиция, я...

— Юань Мэн! Попробуй только позвонить! Я твоя невестка! Ты всерьёз собираешься помогать чужакам против нас?!

Чэнь Фан из последних сил крикнула ему вслед.

Юань Мэн, не обращая внимания на её вопли, продолжил идти в дом.

Паника Чэнь Фан нарастала. Глаза её забегали, и она вдруг схватила сына за руку и потащила прочь, в противоположную от дома сторону.

Остальные родители покачали головами с презрением.

Раз не смогла доказать свою правоту — просто сбежала с ребёнком? Что за дела?

— Господа, нам действительно очень стыдно, мы сначала не разобрались в ситуации.

— С раной на лбу у ребёнка всё серьёзно? Деревенская больница уже закрыта, но у меня дома есть лекарства, принести вам?

Ши Юньнань не был тем, кто станет придирается к детям, и сказал: — Всё в порядке, мы сами справимся. Дети извинились, и мы их простили — с вами этот вопрос закрыт. Уже поздно, ведите всех домой ужинать.

Родители, успокоившись, ещё несколько раз извинились и разошлись по домам с детьми.

Сяо Цзиньюй тербил своё ожерелье, недовольно надув губы: — Дядюшка, Юань Кэван убежал. Полиция его поймают?

— Поймает. Дом то его никуда не денется.

Ши Юньнань подвёл мальчика к машине, открыл заднюю дверь и усадил его на край сиденья.

Их багаж был в багажнике — нужно было срочно достать аптечку и чистую одежду, чтобы обработать рану и переодеть Сяо Цзиньюй.

Пока Ши Юньнань искал вещи, Ло Линшэн подошёл к племяннику с серьёзным видом: — Цзиньюй, сиди ровно. Мне есть что тебе сказать.

Сяо Цзиньюй тут же положил руки на колени: — Дядя.

— Первое: впредь, столкнувшись с проблемой, нельзя просто плакать.

— Угу.

— Второе: нужно учиться самозащите. Если однажды меня и дядюшки Ши не окажется рядом, как и телохранителей вроде Юань Мэна, что ты будешь делать?

Сяо Цзиньюй покачал головой — явно никогда об этом не задумывался.

— Когда вернёмся в Дицзин, найму тебе учителя по боевым искусствам. Чтобы впредь не становился жертвой обидчиков.

«...»

Мальчик явно не понимал, что значит "боевые искусства", и только растерянно моргал.

Ши Юньнань, смеясь, вернулся с одеждой и аптечкой: — Тогда не надо искать учителя. Будешь учиться драться у меня.

Сяо Цзиньюй медленно осознал: — Дядюшка умеет драться?

Ши Юньнань попросил Ло Линшэна отойти и встал перед мальчиком: — Конечно. Твой дядюшка ещё ни разу не проигрывал.

Сяо Цзиньюй тут же загорелся восхищением: — Вау! Дядюшка действительно самый крутой!

Ши Юньнань самодовольно фыркнул.

— Но учиться драться нужно, чтобы защищать то, что дорого, а не чтобы обижать других. Понял?

— Понял! Впредь я буду защищать дядюшек!

— Малыш, ты бы сначала себя защитил, чтобы больше не попадать в такие ситуации.

— Ладно!

Ло Линшэн, отошедший в сторону, слушал этот диалог, и в его глазах вновь появилась улыбка.

Темнело.

Ши Юньнань передел Сяо Цзиньюй и уложил его к себе на руки.

Затаив дыхание, он сосредоточенно и осторожно обрабатывал кровавую царапину на лбу мальчика.

— Осторожно!

Вдруг сзади раздался хаотичный шум.

Левое плечо Ши Юньнана кого-то толкнуло, и его рука с лекарством дёрнулась.

Осознав неладное, он резко обернулся и увидел, что Ло Линшэн вцепился руками в дверцу машины, и на его обычно невозмутимом лице читалась боль.

— Линшэн, что случилось?

Ло Линшэн стиснул зубы, не издав ни звука, лишь с трудом развернулся, прикрыв собой возлюбленного и племянника.

Он молча прислонился к Ши Юньнаню, едва сохраняя равновесие.

Ши Юньнань в ужасе заметил высокого незнакомца с железным прутком в руках.

Тот злобно усмехнулся: — Так это ж фальшивый калека! Видно, мой удар был слишком слаб!

Предупреждаю — не думайте, что богачи могут всё! Попробуйте только тронуть мою сестру и племянника!

Отредактировано Neils июль 2025г.

<http://bllate.org/book/12798/1129531>